

В динамике послышалась возня и отдаленная усмешка Ленки:

— Давно хотела попробовать на вкус Ваш член, профессор! Ммм... И кому достался этот красавчик! Не пойму, что ж Вы нашли в этой пигалице? Ни сисек, ни рожь.

— Заткнись, дура! — дальние булькающие звуки и запыханное ее ворчание:

— Ну потише, Сергей Борисович... Я хочу насладиться Вами.

— Меня это мало волнует! Договор: трах в обмен на видео, а как трахать, ты это своих прыщавых ёбарей поучи! — опять влажные звуки во время его речи.

Я, как сомнамбула, встала и начала лихорадочно одеваться, прижимая телефон к уху плечом.

Светка удивленно на меня смотрела, но была для меня в какой-то дымке, далеко и неважно,

— вся моя жизнь сейчас была сосредоточена в динамике моего телефона. Не знала, зачем я сейчас к нему поеду. Не верила? Хотела вцепиться в мордашку этой сучки? Хотела удостовериться, что профессору я нужна? Наверно, всё вместе, поэтому я, не раздумывая, полетела туда, откуда недавно меня привез профессор, счастливую и умиротворенную.

Близкие громкие звуки в телефоне вывели меня из какого-то болезненного транса.

— Жопой ко мне! — возглас моего мужчины. Но не мне! И в голосе его звенит металл.

— Что же, мы даже не поцелуемся? — проворковала Ленка. Последовало многозначительное молчание. — Ну как хотите! А можно без презерватива?

— Я без гондонов шлюх не ебу!

И ее вздох-всхлип практически прям мне в ухо — он задвинул ей так, что она вскрикнула! Он! Сейчас! Ебет! Другуууу!!!

— О! Вы любитель попок! — восторженный стон Ленки.

— Просто в твоей раздолбанной пизде Камаз развернется! — сухо бросил. Девка застонала, в ее стоне была и боль, что не могло меня не порадовать.

Но слезы застилали глаза. Я еле увидела необходимую мне маршрутку и села в нее. Он, мой профессор, совсем недавно целовал и ласкал меня, как никто другой до него не делал! А теперь уже он ебет другую! Проникает в нее так любимым мною членом, который еще не остыл от моего рта... И эта тварь стонет от наслаждения! Несмотря на то, что он ее, видимо, неслабо лупит по заднице ладонью. И вот и ее изменившиеся стоны, перешедшие в крик. Она кончила от моего профессора!

— А теперь соси, блядь!

Судя по звукам, теперь он просто ебал ее рот, не обращая на её попытки сопротивления. Да и, судя по разговору, она сама пришла за сексом, что теперь сопротивляться?! Видео... За какое нафиг видео он пошел на это?! Судя по всему, это их первый секс, что успокаивало, но ревнивая тигрица во мне рвалась всё растерзать на своем пути, никого не слушая! И пусть я буду потом об этом жалеть...

Он рыкнул, изливаясь в рот красотки. И я, наконец, отключила звонок, разрыдавшись прям в маршрутке. Все косились на меня, но мне было на них абсолютно наплевать.

Вскоре я стояла и жала на звонок. Мне долго не отвечали.

— Впустите! — прокричала я в домофон, не услышав даже вопроса, кто это. Молчание.

— Наставь, что ты здесь делаешь?! — он кажется спокойным.

— Впустите меня! — я на грани истерики, но пытаюсь держать ровный голос. Я должна

попасть в дом! Должна всё увидеть собственными глазами!

Долгое молчание. И ворота открылись. Я забежала внутрь, прям на пороге врезавшись в объятия Сергея Борисовича.

— Настенька, что ты здесь делаешь так поздно?! — он ласков, но напряжен. — А как же зачет?

— К черту зачет! — я толкаю его в грудь. — Где она?

Он отступил на шаг, взглянув мне в лицо. И, кажется, всё понял.

— Ты знаешь?!

— Где? Она? — процедила зло сквозь зубы, глядя ему прямо в лицо.

Он просто опешил от такого моего натиска, привыкший видеть покорную, послушную Настеньку. Но он умел быстро брать себя в руки.

— Настя, она сняла видео нас в лесу. Если это увидят в университете, мне придется уйти. Я не пропаду — переведусь в другой университет, другой город. А ты не выдержишь травли студентов! Я не должен был быть так опрометчив...

— Опрометчив? Не должен был трахать меня?! — язвительно усмехнулась. — Ох, мы какие благородные!

Он чуть скривился — видно было, ему неприятны мои слова. Отступил вглубь прохожей, продолжая буравить меня взглядом.

— Да, не должен был! Я развращаю молоденькую девочку, старый извращенец! Я — Гумберт, понимаешь, а ты Лолита. Я сломаю тебе жизнь...

— Гумберт? Лолита? — мой голос внезапно сорвался. Он считает меня маленькой девочкой, не способной вырваться из-под его власти?! — Я взрослая женщина! — почти кричала, ладонью хлопая себя по груди. — Я сама решаю, с кем мне быть! Сама!!! Я люблю Вас, а Вы предали меня! Вы!!!

— ... чтобы спасти твою репутацию...

— Смешно! Не верю! — я замотала головой, не желая верить его словам. — Просто трахаете молодых девиц! Гумберт хренов! — усмешка сквозь слезы.

— Настя, утомонись! Я не собираюсь перед тобой оправдываться! — в его голосе были угрожающие нотки, но я не обращала на это внимания.

Он вдруг взял меня за запястья. Я попыталась стряхнуть его руки, но он лишь сильнее сжал и, резко заведя их мне за спину снизу, прижал меня к своей груди и спиной к стене. Плен, в котором мне всегда было так уютно, а сейчас горько.

— Я лишь сказал всё, как есть! И истерики мне здесь твои не нужны! — он говорил твердо и вкрадчиво рядом с моим ухом. — Хочешь уйти — иди, это лишь будет лучше для тебя. Хочешь остаться... — его голос вдруг сорвался и потепел, — я сделаю всё возможное, чтобы сделать тебя счастливой...

Это обезоружило, я перестала дергаться, сопротивляться. Слезы навернулись, и я бы заплакала в его объятиях, если бы вдруг не услышала голос, полный сарказма и яда:

— Ой, какая милота! Сейчас расплачусь! — Ленка вышла из ванной, уже полностью одетая. — Приехала всё же, не выдержала?! Ну как тебе моё представление? — и рассмеялась, отчего у меня сжались кулаки.

Сергей Борисович отступил, отпуская меня и, видимо, не ожидая, что я сразу фурией наброшусь на эту сучку. Скулы свело от злости.

— Ах ты мразь!

Я не просто вцепилась ей в волосы, зная, что не дотянусь, чтоб нанести ей какой-то

существенный вред, а ударила ее в живот в то время, как она выставила руки вперед, защищая прежде всего свою смазливую рожу.— Пожалуй, я его включу в видеоряд на выпускной! То-то будет весело... Не всё нам с вами втроем веселиться!

И она вышла, гордо подняв головку с размазанной кровью под носом. Я стояла в ступоре. Злость уже схлынула, осталось лишь холодное предчувствие недоброго.

Не оборачиваясь, профессор прошел в гостиную. Я скинула туфли и поплелась за ним. Я должна была убедиться, что у нас всё будет по-прежнему. Но и боялась. Его, злого и холодного, расшагивающего по комнате взад-вперед.

— Настя, ты дурочка! — наконец, прервал он затянувшееся молчание. — Ты маленькая и глупенькая девчонка! Взбалмошная! Своенравная! — бросал, не глядя на меня. И мне хотелось, чтоб он перестал злиться, стал прежним. Вернуть, хочу всё вернуть, как было! Всё, что угодно для этого.

— Простите...

— Настя, за что? — он, наконец, взглянул на меня и встал. — Что я совратил тебя? Что извращаю маленькую девочку?

— Не говорите так... — тихо шепчу, опустив глаза, не выдержав его тяжелого взгляда.

— Я не должен быть с тобой! И это видео — отличный шанс не продолжать эти отношения, пока они не затянули нас обоих...

— Не затянули?! Да я уже по уши в них! — я вдруг закричала на него, хотя минуту назад хотелось умолять на коленях его быть со мною. — Вы просто воспользовались мной! Как и этой сучкой! — я закрыла лицо руками, пытаясь не расплакаться.

Он подошел ко мне, взял за запястья и отвел руки от лица.

— Это не так, Настя!... — в его голосе и боль, и злость.

— Тогда Вы просто трус! — я сказала это прямо ему в лицо и видела, как вспыхнули его глаза, как заходили желваки на скулах. Он сильно сжал мои запястья. Секунду я думала, он меня ударит. — Вы не готовы бороться за наши отношения и бежите от меня... Ударьте меня! Избейте! Выпорите! — я опустила глаза на свои запястья, покрасневшие от его пальцев. — Ну же! Вам станет легче!

Он смотрел на меня, как будто не веря моим словам, что я так разговариваю с ним. Его взгляд то теплел, то соглашался, что меня надо выпороть. Профессор вдруг подхватил меня и, забросив на плечо, быстро пошел в спальню. Я только успела охнуть от неожиданности, так и не поняв, что же меня ждет сейчас.

Бросил меня на кровать, достал из ящика кожаный тонкий ремешок и быстро, но довольно слабо, привязал мои руки к изголовью кровати. Я не сопротивлялась. Выпорет так выпорет! Только это будет сейчас верхом несправедливости!

— Ты права, Настя, — вдруг заговорил он. — Я веду себя, как трус! Сам тебя приучил, теперь обижаю... Если ты и уйдешь от меня, то по собственному желанию. Я буду только рад, если ты найдешь хорошего человека... А пока ты со мной и позволяешь делать с тобой всё, что моей извращенной душе угодно, я буду рядом. Ты мне нужна... — он снял с меня обувь и джинсы с трусиками, разделся и лег рядом, поглаживая мое тело вдоль, от груди под кофтой до колена.

— Я любуюсь тобой, я с тобой становлюсь самцом, чувствуя себя моложе... Ты моя виагра и молодильное яблочко. Как же я могу от тебя отказаться!?

Он привычным движением снял очки и положил их на тумбочку. Я молча наблюдала за ним, слегка улыбаясь. Профессор просто впился в мои губы, ладонь накрыла лобок и начала

массировать, всё требовательней и жестче, постепенно проникая неглубоко в меня пальцами. Он хватал в ладонь весь лобок, отчего перехватывало дыхание. Меня пробила волна дрожи, до стона, и я раздвинула ноги шире, подаваясь тазом вперед, к его волшебным пальцам.

Но вдруг его пальцы вышли из меня, и влажная ладонь больно щелкнула меня по раскрытым губкам. Я охнула и от неожиданности куснула профессора за губу. Он отстранился, хитро улыбаясь, и вновь щелкнул по лобку.

— Ай! — укоризненно взглянула в плещущийся в глазах профессора океан желания.

— Так всегда со мной будет, девочка моя! И сладко, и больно... — усмехнулся он.

Однако, это не было очень уж больно — жгучая волна разошлась по низу живота, разгоняя острое возбуждение по всему телу. Его палец вновь надавил на расщелинку и протиснулся во влажную глубину, вновь вызвав мой стон.

— Раздвинь ножки...

Я подчинилась, опасаясь новой боли, но почему-то такой желанной.

— Не бойся, — прошептал он мне в губы. — Боль может быть сладкой, я тебе это покажу...

Мужчина встал и, вновь открыв ящик тумбочки, достал оттуда какое-то кожаное изделие, с ручкой. От нее тянулись кожаные ленты длиной сантиметров 30—40.

— Это флоггер, — опередил профессор мой вопрос, — он из мягкой кожи. И да, этим бьют...

Я нервно сглотнула, желая сейчас скорее бы почувствовать член внутри, а не боль.

— За что?..

— Поверь, тебе понравится...

Он заголил мою грудь, приподняв выше кофту, и шире раздвинул мне ноги.

— Расслабься... — он улыбался, и я вновь доверилась, всё же зажмурив глаза.

Теплый шелест по моей груди и острые укольчики на сосках от пришедшихся туда кончиков кожаных лент.

— Ах... — я распахнула глаза и решила больше не закрывать, видя, как разгораются глаза моего любимого садиста.

Уколы на животе — и толпа чувственных мурашек устремляется вниз, вызывая горячую волну. Сжала бедра и вновь распахнула, сразу же подставившись под удар прямо по нежным нижним губкам. А вот это больно! Но эта боль — искра, от которой разгорается пожар, он вал за валом накрывает меня с головой, сжигая меня изнутри. Искры на внутренней стороне бедер, на лобке, груди... Я мечусь на кровати, почему-то не увиливая, а подставляясь, словно под удары члена, бедрами навстречу.

Профессор подходит к изголовью, и всё, что я хочу сейчас — его торчащий член! Я облизываю пересохшие губы, и мужчина, поняв меня без слов, дает свой замечательный леденец мне в рот. О, этот вкус любимого мужчины, что ж ты делаешь со мной! Упływaю в какой-то параллельный мир удовольствия и похоти, подставляясь под ласкающие меня внизу его пальцы, скользящие внутри, цепляющие какую-то спусковую кнопочку моего оргазма. Я взрываюсь, горю под его пальцами, дрожу в пароксизме истинного наслаждения, сжимая его руку бедрами, пальцы его всё еще нажимают на стеночки, вызывая новые содрогания.

— Моя девочка, моя сладкая девочка! Как мне с тобой повезло. Ты бесподобна... — он говорит искренне, с придухианием.

Распахиваю бедра, глядя на него затуманенным взором, приглашая внутрь. Он ложится на меня, держась на локтях, и медленно входит, раздвигая горячие, обволакивающие, всё еще сжимающиеся стеночки. До чего же желанно его проникновение! Он целует взасос мои губы,

соски, заставляя мурлыкать и выгибаться в своих путах. Садится на колени, приподняв мои бедра на них, и, обхватив мою талию почти полностью одними ладонями, целует всю меня, от лица и ниже, куда может дотянуться губами и языком, не прекращая сладких проникновений.

Выходит вдруг, как только я начинаю активно подмахивать. Раздвигает пальцами мои скользкие губки, оглаживает маленькую кнопочку в центре, любуясь. Проводит членом вдоль, не вводя. Снизу вверх, сверху вниз. Аааа!

— Хочу! Профессор... — жалобно стону, пытаясь поймать щелкой его грозную пику. Он хочет меня, чувствую, но играется. Не позволяет нанизаться.

Держит, осторожно вводит головку и выходит. Еще немножко — и убирает. Я не могу дотянуться — ремни режут руки. Я изнываю от желания. И вдруг он вонзается в меня. Полностью, до упора. И начинает просто ебать, в бешенном ритме, крепко держа за бедра, так что молнии начинают бомбить меня изнутри, отражаясь во всех уголках моего тела яркими вспышками наслаждения. И мир взрывается в моей голове!

Я вдруг понимаю, что кричу, вздрагивая, и не в силах остановить эту пляску в крепких руках мужчины. Он замирает во мне, я вижу его лицо в судороге удовольствия. Делает пару резких движений во мне и изливается на мой подрагивающий животик.

Мой профессор ложится рядом и сладко целует меня в губы. Когда я немного отошла, меня вдруг посетила безумная, развратная мысль. Хочется проверить, так ли профессор развратен, так ли готов на всё со мной...

— Так хочется этот жемчужный йогурт, профессор... — киваю я на свой животик с лужицей в пупке и быстро моргаю, хитро на него глядя. — А руки связаны... — и я уж совсем театрально надуваю губу.

Он всё понимает, и в его взгляде нет сомнения, только восхищение мной.

— Моя девочка! — делает он упор на слове «моя», улыбаясь, и спускается к моему животу. Он одним вздохом засасывает жемчужную кашку и, поднеся свои губы к моим, тонкой струйкой выливают всё содержимое в мой приоткрытый рот. Я глотаю. И он с каким-то рыком впивается в мои губы.

Не отрываясь от моих губ, он развязывает мне руки, и мы целуемся долго и нежно, крепко обнимаясь.

— Ты такая ебливая сучка, моя Лолита! — звучит это отличным комплиментом, я улыбаюсь, чувствуя себя ужасно развратной и чертовски сексуальной. Для моего мужчины.

Он гладит меня, лежа на боку и подперев голову рукой, разглядывает, как драгоценность.

— Я, правда, Вам очень нравлюсь? — хочу еще раз услышать его бесподобные комплименты.

— Ты шедевр, Настенька! Ты словно сошедшая с картин Дега... Белоснежная кожа, словно зефир, ровная, нежная. Такие правильные пропорции, классная задница, тонкая талия... Твоё невинное лицо, которое, я знаю, как преображается в страсти... И меня делает бесконечно счастливым осознание того, что ты моя! Только моя!

— Так будет всегда! — говорю я горячо, потрясенная его словами, и тянусь за новой порцией поцелуев.

Он хмыкает, подразумевая «не зарекайся», но я не хочу этого сейчас слышать. И он благоразумно не говорит. Сейчас мы принадлежим только друг другу